

Эти люди дороги мне

Лит. Россия. — 1993. — 10 дек. (№ 46-47) — С. 13

45 лет тому назад 20-летний паренек, спецпоселенец Алексей Балакаев, вошел в кабинет Сергея Сартакова и робко протянул ему ученическую тетрадку со своим сочинением. Рассказ понравился простотой, бесхитростностью и душевной чистотой. С благословения опытного писателя и чутких журналистов рассказ был напечатан. Так состоялось приобщение к российской многонациональной литературе Алексея Гучиновича Балакаева, позже ставшего народным писателем Калмыкии и лауреатом Государственной премии, депутатом Верховного Совета.

За эти годы Алексей Балакаев написал много стихов, поэм, рассказов, повестей, романов. Ярко и остро проявил себя и в публицистике, откликаясь на самые болезненные для народа вопросы. Целая библиотека книг, изданных на калмыцком, русском и других языках, украшает его кабинет... Славно потрудился на своем веку народный писатель Калмыкии. И по трудам его — честь и признание всенародное.

Довелось мне недавно побывать в Калмыкии, в Элисте и Каспийске. Довелось бывать и у Алексея Балакаева, вместе выступать в библиотеках, в университетах, в Союзе писателей. Но главное не в этих встречах. Они как бы запланированные, на них и мы стремимся казаться лучше, и читатели стараются выглядеть гораздо лучше...

А у Алексея Балакаева главные встречи, как правило, неожиданные, даже нежелательные. Допустим, обсуждаст очередные вопросы писательской жизни, а в это время раздастся звонок и в прихожую входит человек, совершенно незнакомый, и начинает излагать свою проблему... Издавна повелось, что калмык всегда держит открытым свое жилище для гостя — вот и ныне порой пользуются этим обычаем. Угостит Балакаев чаем, вникнет в беду, которая привела к нему, донесет и писателю. И начинаются хлопоты...

Поэтому встает он очень рано — шесть часов утра, и из его кабинета уже раздаются неторопливый стук-машинки. И так чуть ли не каждый день. Не работает только во время поездок по стране или за границей.

Вот его прелестная маленькая повесть — «Солнце, благослови меня», о светлой любви двух чудесных детей... Идет война, суровая и беспощадная, она вычерпала из сел и хотонов почти все взрослое население: кто ушел на фронт, а женщин призывали на другой, трудовой фронт, вот и трудятся на колхозной бахче старики, инвалиды, подростки и женщины... И в самый драматический момент проявилась она — «красивая, как лотос»... Прекрасна любовь, и автор с трогательной нежностью раскрывает рождение взаимного чувства. Сначала герой пытается просто-напросто от нее убежать, уж очень непривычное чувство обожгло его, она так добра и понятлива, что все вдруг озарилось каким-то волшебным светом, и ему вдруг захотелось летать, кружиться, танцевать, петь!

В очередной раз Бадама встретился с ней и снова чуть не потерял дар речи: «Нежный ее смех сковал мой язык, который вдруг сделался тяжелым и неповоротливым, словно прилип к небу». Возникшее в нем чувство словно разбудило юношу, он внимательнее стал к людям. Суров и даже порой жесток бригадир, вроде бы совсем плохой человек, но Бадама вдруг обнаруживает, что тот может испытывать глубокие патриотические чувства. Провожая сына на войну, он говорит: «Как бы ни был враг жесток, не отступай, сын мой. Лучше с честью сложи свою голову, чем позорить имена предков». Может, как раз тем, что над стариком нависло это близкое прощание с сыном, и объясняются его срывы, грубые выпады против своих подчиненных? Скорее всего...

Бадама совершил подвиг, но не смог прийти на свидание, и она уехала, так ни о чем не договорившись. «Мечта моя сбылась — я прославился, но Занды со мной не было...» — так сокрушенно заканчивает Бад-

ма свою печальную повесть о первой любви.

Совсем о другом повествовал автор в романе «В степи орлиной» — о Великой Отечественной войне в калмыцких степях, о партизанской войне, о сопротивлении, которое оказывали врагу калмыки, русские, украинцы, эстонцы.

О партизанском движении много написано. В лесу можно скрыться, уйти от погоны, затаяться на какое-то время, но как действовать в калмыцкой степи, ровной как стол? Лишь невысокие кусты колыхаются над ней, и далеко видны — всадник ли это, пешеход, не говоря уж о коллективных передвижениях. Попробуй развернуть здесь действия партизанского отряда. Ведь немцы запретили общение с соседними селами и хотонами, запретили собираться в группы: больше трех — уже разгоняли полиция плетками. Но и в Калмыкии действовали партизаны.

Роман этот возник неожиданно для самого писателя. После публикации небольшой повести «Три рисунка» в адрес А. Балакаева посыпались письма. И ясно было, почему: маленький калмычонок ценой своей жизни спас русскую девочку. Среди почты оказалось и письмо, в котором русская женщина рассказывала о спасении калмыцкого паренька. И писатель решил написать документальную повесть «Русская мать». Поехал собирать материал в Красную Михайловку, центральную усадьбу одного из колхозов. В парке он обратил внимание на памятник, воздвигнутый героям партизанской борьбы в этом районе Калмыкии. Сорок пять отважных героев в одном селе, и среди них шестнадцать человек из семьи Тимофеевича Говенко. Что же происходило в Красной Михайловке в годы войны?.. И автор начал свои многодневные беседы с людьми, очевидцами минувших событий, записывая воспоминания. Сложность заключалась в том, что об одном и том же событии, факте разные люди по-разному рассказывали. Нужно было весь собранный материал проверить и в «официальных органах». Так началась кропотливая работа по сбору материалов для этого романа.

Балакаев разоблачает в романе планы фашистов, снимая все провокационные наскоки, возникавшие в разные годы вокруг калмыцкого народа. К примеру, начальник СД Шваб, отвратительная личность, открывничает с таким же гнусным, как и он сам, Карлом Гиллером: «...Мы хотим очистить мир от всякой дряни. Мы выполняем сейчас самую грязную работу. Когда Европой, Азией, Африкой, Америкой, даже Антарктидой будут править чистокровные арийцы, то руками скотов, которых оставит

наш великий фюрер в самом необходимом количестве, мы, немцы, превратим эти земли в цветущий сад. Для этого, Карл, надо именно сейчас убивать наших врагов — евреев и коммунистов... В вашей степи живут калмыки, русские, украинцы, эстонцы... Мы хотим, чтобы они уничтожали друг друга сами. Стравливай их, пусть грызутся, как голодная стая волков, которым бросили на всех одну кость... Если приговорен калмык, им занимается русский. Если у виселицы русский — прикажи казнить степняку...»

И автор с беспощадной правдивостью свидетельствует о том, что происходило в Калмыкии в те трагические годы... Коварный замысел не нашел поддержки в народе. Так, Улан Барыков отказался стрелять в такого же животновода, как и он сам, и был за то расстрелян. Находились, конечно, и те, кто, струсив, стреляли в своих братьев. Но большинство восстало против подлых методов борьбы, по любому поводу выказывая непослушание и протест. И много крови пролилось...

Описанные А. Балакаевым фашистские зверства просто потрясают. Расстрелянный Тимофей Кондратьевич Руденко выжил, выбрался из ямы, из-под трупов, и на суде убитый через 15 лет был обвинителем этой страшной трагедии, которая произошла в Калмыкии в годы войны.

Но еще большая трагедия произошла в конце декабря 1943 года: по Указу Президиума Верховного Совета СССР и постановлению СНК была осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы Советского Союза. Каратели врывались рано утром в дома, давали два часа на сборы, и переполненные народом студбекеры увозили их к вагонам. 93 тысячи 139 калмыков было согнано со своих родных земель, много их погибло по пути от жестокого обращения конвоиров, от сибирского мороза. «Сибиряки, мои дорогие и милые сибиряки, в первый же день распознали нас, калмыков, они увидели собственными глазами, кого к ним привезли — стариков и женщин, детей и подростков, убогих и беззащитных, голодных и гонимых. Сибирячки побежали по домам, принесли вареную картошку, молоко в крынках, накормили и согрели душевной щедростью» — так в очерке «Выслан навечно...» вспоминает А. Балакаев эти скорбные страницы из жизни калмыцкого народа, спасенного сибиряками «от верной смерти, поголовного исчезновения с лица земли».

В сущности, этот очерк стал программным для написания книги о тех трагических событиях. Под названием «Тринадцать дней, тринадцать лет» роман вышел два года тому назад на калмыцком языке. В наши дни он переводится на русский язык.

Пятьдесят лет назад произошла эта чудовищная несправедливость, а раны до сих пор кровоточат, хоть сердца и переполнены любовью к тем простыми россиянам, которые своей бескорыстной помощью могли выстоять в эти суровые годы.

Калмыки, как и все народы России, переживают трудные дни. Но молодое руководство республики энергично, компетентно работает по шестнадцати часам в сутки. Мне довелось познакомиться в Элисте с одним руководителем республики, и почему-то после этого стало спокойнее: с такими талантливыми руководителями калмыки могут оптимистично смотреть в будущее.

«Сегодня, в день Памяти, поклонимся низко тем, кто в суровые и жестокие годы культа Сталина покинул этот прекрасный мир не по своей воле! Пусть земля им, где бы ни лежали их кости, будет пухом!» — присоединимся и мы, русские, к этим скорбным словам народного писателя Калмыкии Алексея Балакаева и вспомним, что с калмыками нас соединяет многовековое воинское братство, общая пролитая кровь за Отечество, что и по сейчас калмыцкое казачество стоит на рубежах нашей Родины, — и разделим вместе с калмыками скорбь по ушедшим в ходе этой жестокой и несправедливой акции тогдашних правителей СССР, склонив наши головы в минуту молчания.

И поздравим замечательного калмыцкого писателя Алексея Балакаева, давно перешагнувшего границы родного языка и переведенного на многие другие языки, с прекрасным юбилеем, пожелаем ему здоровья и благосостояния, здоровья и счастья всем его родным и близким, счастья и процветания прекрасному калмыцкому народу, всей многонациональной Калмыкии.

Виктор ПЕТЕЛИН